

**Вяземский и «Арзамас»:
Из комментария к письмам А.С. Пушкина¹**

Д.П. Ивинский

Аннотация: Пушкин говорит о Вяземском «наш Аристип и Асмодей», а его литературную манеру соотносит с творчеством «Шапеля и Буало». В статье анализируется семантика этих имен в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв., особые «арзамасские» обертоны их значений – с проекцией на литературно-бытовую репутацию П.А. Вяземского в кругу участников общества «Арзамас».

Ключевые слова: «Арзамас», Вяземский, Пушкин, Державин, литературные общества, литературная репутация

Информация об авторе: Дмитрий Павлович Ивинский, д.ф.н., профессор Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru

Когда речь идет о литературных обществах, не имевших ни жесткой организации, ни единой литературной программы, ни, тем более, глубоко проработанной идеологии, не оказавших видимого воздействия на литературный процесс, по крайней мере такого, которое заставило бы участников литературного процесса говорить о деятельности общества как о событии, по отношению к которому необходимо всерьез самоопределяться, приходится сосредотачиваться на каждом участнике общества и детально рассматривать его позицию; в нашем случае, попросту говоря, нужно ответить на вопрос о том, что такое «Арзамас» для каждого «арзамасца» и, соот-

¹ Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Остафьевский архив. П.А. Вяземский: новые материалы и исследования», поддержанным РГНФ (№ 14-04-00492).

ветственно, на каком расстоянии от «Арзамаса» находился каждый в него входивший.

Это тем более важно, что никто из числа литераторов, участвовавших в «Арзамасе», не был склонен ни переоценивать значение общества, ни даже обсуждать его за пределами пространства дружеского общения.

Исключения из этого правила немногочисленны, одно из них связано именно с Вяземским, который по прошествии лет считал нужным выступить в роли историка «Арзамаса», или по крайней мере публикатора части сохранившихся у него «бумаг», относящихся к истории общества (Вяземский 1866а, 64–109; впервые: Вяземский 1866; Вяземский, 8, с. 416–426; впервые: Вяземский 1876).

Итоги размышлений о значении «Арзамаса» были подведены им в «Старой записной книжке»:

Много было тут шалости и, пожалуй, частью и вздорного; но не мало было и ума и веселости¹. В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы. Может быть, и Арзамас, хотя недолго просуществовавший, принес свою долю литературной пользы. Во-первых, это было новое скрепление литературных и дружеских связей, уже существовавших прежде между приятелями. Далее, это была школа взаимного литературного обучения, литераторского товарищества. А главное, заседания Арзамаса были сборным местом, куда люди разных возрастов, иногда даже и разных воззрений и мнений по другим посторонним вопросам, сходились потолковать о литературе, сообщить друг другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подучиться.

Вяземский, 8, с. 415–416.

¹ Ср. в речи Д.Н. Блудова на юбилей Вяземского: «Так и мы, обращаясь к прошедшему, вспоминая [...] близкие наши, оживлявшие и образовавшие наш вкус к словесности сношения, друг с другом и с нашими учителями вкуса, Карамзиным, Дмитриевым и с [...] Жуковским, [...] вспомним [...] и об наших [...] литературных шалостях, потому [...] что в них не редко бывало много живости и ума» (Юбилей 1861). Эти слова Блудова были вынесены в эпиграф к осуществленной Вяземским публикации «арзамасских» материалов в «Русском архиве», озаглавленной «Литературные арзамасские шалости» (Вяземский 1866, с. 64).

Итак, «Арзамас» в одно и то же время 1) дружеское общество¹, 2) что-то вроде литературной ланкастерской школы, 3) литературный клуб. Его влияние на «язык и литературу» признается предположительно и со множеством оговорок («может быть [...] хотя [...] свою долю»).

Вместе с тем, текст Вяземского достаточно сложен и вместил в себя более или менее определенные указания на, как минимум, три уровня культурного мышления и соответствующие им культурные контексты: 1) уровень европейской культурной истории, с которым прямо или косвенно соотносится деятельность общества; 2) уровень национальной литературной истории, в той ее части, которая признавалась актуальной участниками общества, на которую они прямо или косвенно влияли, в которую входили путем «взаимного литературного обучения»; 3) уровень индивидуальных опытов интерпретации целей деятельности общества в конкретных обстоятельствах литературной жизни и в связи с теми «посторонними вопросами», по которым они имели «разные воззрения и мнения».

Случай Вяземского, его видение «арзамасской» ситуации, по крайней мере с некоторыми упрощениями, которые, на мой взгляд, не имеют критического характера, может быть описан следующим образом. Архаике «Беседы», имевшей «предромантический» оттенок (ср.: Вацура 1994, с. 14–15), но вряд ли воспринимавшейся подобным образом, противопоставляется «буалоизм» (и, в определенной мере, русская традиции его усвоения, в первую очередь Сумароков; ср. заявление Вяземского в «Автобиографическом введении»: «Я и ныне не отрекаюсь от Сумарокова» [Вяземский, 1, с. XII]), в какой-то мере сочетающийся с уваровским вариантом актуализации античного наследия (с подключением Оленина и особенно близких Вяземскому Озерова и Батюшкова). «Классицизму» Академии (и ее французскому прототипу) противопоставляется культура итальянского ренессанса,

¹ В этом качестве «Арзамас» был только эпизодом длительной истории дружеских связей, и не все участники общества в контексте этой истории выглядели вполне уместно, ср.: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства. Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане». «Не излишне будет сказать, что с приращением общества [...] общая связь, растягиваясь, могла частью и ослабнуть: под конец могли в общем итоге оказаться и арзамасцы пришлые, и полуарзамасцы» (Вяземский, 7, с. 411–412). Это и ряд подобных высказываний участников общества легли в основу влиятельной концепции «арзамасского братства», сформировавшегося до «Арзамаса» и продолжившегося после него, выдвинутой М. И. Гиллельсоном (Гиллельсон 1969, с. 26–59; Гиллельсон 1974).

по крайней мере в той ее части, которая связана с историей шуточных академий: именно этот подтекст «Арзамаса», как мы только что видели, Вяземский отметил на склоне лет¹. Вполне вероятно, он при этом учитывал доарзамасский опыт Жуковского, который в 1811 г. и позднее вместе с А.А. Плещеевым и др. выстроил игровое литературное общение в небольшом дружеском кружке, именовавшем себя «Академией нахально-любопытных», ориентированной, в частности, на «Академию Гранеллески» (см. об этом: Соловьев, 1, с. 21–34; 2, с. 108–126; Иезуитова 1989, с. 209–210; Вяткина 2011)².

* * *

О том, в какой историко-литературной перспективе Вяземского воспринимали в «Арзамасе», свидетельствуют, в частности, несколько слов Пушкина, косвенно поддерживающих тему «шуточных академий», но не итальянских, а французских, и не ренессансных, а эпохи классицизма. Письмо к Вяземскому от 27 марта 1816 г. Пушкин начинает двойным комплиментом: «Признаю, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность» (Пушкин, 13, 2)³. В письме к дяде от

¹ Литература об итальянских академиях огромна; наиболее полным трудом энциклопедического характера остается, вероятно, Maylender 1926–1930. Из работ недавнего времени: Rolbiecki 1977; Italian academies 1995. См. также материалы специализированного сайта: <http://apia.italianacademy.columbia.edu/library.html> (просмотрено 27.03.2016).

² О европейских академиях как ключевом культурном контексте «Арзамаса» см. также в позднейших заметках С.С. Уварова (Арзамас, 1, с. 40–41).

³ В свое время М.И. Гиллельсон высказал правдоподобную догадку, согласно которой Пушкин имеет в виду стихотворения Вяземского «Погреб» и «К перу моему», «которые писались как раз в то время» (Гиллельсон 1969, с. 56–57). Действительно, первое тяготеет к эпикурейской теме, близкой Шапелю (любопытно, что в тексте пьесы упоминается и Шолье, с которым Вяземский отождествляет Ю. А. Нелединского-Мелецкого), второе представляет собой «вариацию седьмой сатиры Буало» (ОА, 1, с. 423–424 [коммент. В.И. Саитова]; ср.: Вяземский 1935, с. 483 [коммент. В.С. Нечаевой]; ср.: Вяземский 1958, с. 424 [коммент. Л.Я. Гинзбург]; ср.: Вяземский 1986, с. 456 [коммент. К.А. Кумпан]; см. также: Песков 1989, с. 79). Прямых подтверждений версия М.И. Гиллельсона не имеет до сих пор; на наш взгляд, она во всяком случае не является единственно возможной: если Пушкин не угадывает, а сознательно обыгрывает содержание указанных исследователем стихотворений Вяземского, то он, скорее всего, их уже знает, и вероятнее всего, получил их от Вяземского при письме, на которое отвечает (ср. в следующей фразе пушкинского письма: «сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынного, которого уж и без того дергает бешеный

последних чисел декабря 1816 г. Пушкин говорит о Вяземском: «Шапель Андреевич конечно / Меня забыл давным давно» (Пушкин, 13, 6; в тексте «Сына отечества», где письмо было напечатано без ведома Пушкина по неизвестному источнику, вместо Шапеля стоит Шолье [Пушкин 1821]). Так Пушкин: почти одновременно отождествляет Вяземского с Шапелем и с его учеником (с последним, вполне вероятно, против своей воли; впрочем, раздражение Пушкина вызвал факт публикации его письма, а о том, как он воспринял поправки в тексте, если они принадлежали не ему, нам ничего не известно) и дает характеристику «Арзамасу», внятную посвященным и демонстрирующую осведомленность автора писем.

Как известно, и Шапель, и Шолье, и Буало имели самое непосредственное отношение к «эпикурейским школам»; здесь ограничимся краткими выдержками из раннего перевода фрагмента статьи об эпикуреизме, написанной Дидро для «Энциклопедии», которую «арзамасцы» хорошо знали:

[...] Петр Гассенди [...] во Франции [...] был восстановителем Епикурейской Философии; [...] он [...] имел учениками, или лучше, последователями многих обессмертивших память свою, как то: Шапеля, Мольера, Берньера, Аббата Шольэ, г. Гранд-Приера, Вандома, Маркиза де ла Фарра, Шевалье де Буйльона, Маршала Катината, и многих чрезвычайных людей, кои, по противоположности приятных и высоких качеств, соединяли в себе иройство с нежностью, вкус добродетели со вкусом удовольствия, качества Политическия с качествами учености, и составили во Франции различные школы нравственного Епикурства [...]. Самая древняя и первая из сих школ [...] была в Турнельской улице, в доме Ниноны де Ленкрос [...]. После сих первых Епикурцев, Берньер, Шапель и Мольер [...] перевели Епикурову школу [...] в Отейль: Батомонт, Барон де Блот, которого песенки так редки и так рачительно выработаны, и де Барро [...] более всех прославили Отейльскую школу. Школа Нейльи последовала за школою Отейльскою; она некоторое время поддерживаема была Шапелем и г-ми Соннингами; но в самом почти своем начале смешалась со школою Анета и Тампля. Сколько имен представляется нам в сей последней! Шапель и ученик его Шольэ, г. Вандом, гж. Буйльон, Маркиз де ла Фарр, Руссо, г-да Соннинги, Аббат Куртин, Кампистрон, Палапрат, Барон де Бретаиль, отец знаменитого Маркиза Шателет, Президент де Месмес, Президент Ферранд, Маркиз де Данжо, Герцог де Неверс, Катинат, Граф де Фиеск, Герцог де

демон бумагомарания» [Пушкин, 13, с. 2]) или, что еще более вероятно, при личной встрече, состоявшейся двумя днями ранее, 25 марта 1816 г.

Фоа или Рандан, г. де Перины, Реньер, любезной собеседник, которой пел, играя на лютне; г. де Лассере, Герцог де ла Фейлад и пр. Школа *Со* соединила в себе все, что оставалось от сих последователей роскоши, изящности, вежливости, Философии, добродетелей, наук и удовольствия; она имела еще Кардинала Полиньяка [...]; Гамильтона, С. Авлера, Аббата Женета, Малезье, ла Мотт, Фонтенеля, Вольтера, многих Академиком [...]: из чего видно, что [...] Эпикурейская Секта нигде не имела большей славы как во Франции, а особливо в последнем веке

(Эпикур 1796, с. 124–129; ср. современный перевод: Дидро, 2, с. 525–543).

Здесь только обозначен культурно-исторический контекст пушкинского комплимента. Но именно к этому контексту отсылает широко известный литературный анекдот, приведенный Карамзиным в «Письмах русского путешественника» и, без сомнения, памятный «арзамасцам» уже в силу его непосредственной связи с игровой символикой общества¹, в т.ч., конечно, и Пушкину, и Вяземскому:

Дервня Отель, июня...

Я пришел сюда для того, чтобы видеть дом, в котором Буало писал сатиры свои, веселился с друзьями и где Мольер спас жизнь всех лучших французских писателей тогдашнего времени. Помните ли этот забавный анекдот? Хозяин, Расин, Лафонтен, Шапель, Мольер ужинали, пили, смеялись и наконец вздумали гераклитствовать, оплакивать житейские горести, проклинать судьбу, находя, по словам одного греческого софиста, что первое счастье есть... не родиться, а второе — умереть как можно скорее. Буало, не теряя времени, предложил друзьям своим броситься в реку. Сена была недалеко, и дети Аполлоновы, разгоряченные вином, вскочили, хотели бежать, лететь в объятия смерти. Один благоразумный Мольер не встал с места и сказал им: «Друзья! Намерение ваше похвально, но теперь ночь: никто не увидит героического конца поэтов. Дождемся Феба, отца нашего, и тогда весь Париж будет свидетелем славной смерти детей его!» Такая счастливая мысль всем полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, говорил: «Правда, правда; утопимся завтра, а теперь допьем остальное вино!» — По смерти стихотворца Буало жил в его доме придворный медик Жандрон. Вольтер, будучи у него в гостях, написал карандашом на стене:

¹ Не исключено, что этот анекдот, оказавший влияние на мироощущение «арзамасцев» и переосмысленный ими (Буало и его друзья ждут Феба, чтобы умереть самим, «арзамасцы» «отпевают» тех, кто собирается жить), имел по крайней мере косвенное отношение к некоторым более ранним текстам, в т.ч. к сатире Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809).

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfants d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroît sous celui de Gendron.

Теперь этот дом принадлежит господину... Забыл имя

(Карамзин 1987, с. 299)¹.

Буало и Шапель здесь соотнесены друг с другом (как и все прочие участники ужина, они «гераклитствовали») и противопоставлены: в первом возобладал Гераклит (именно Буало предложил всем собравшимся утопиться), во втором – Эпикур (именно Шапель предложил допить вино, дожидаясь Феба). Пушкин, именуя Вяземского Буало² и Шапелем, тем самым отождествил его одновременно с Гераклитом и Эпикуром: судя по всему, он имел уже представление о психологических особенностях Вяземского, чья склонность к жизненным удовольствиям нередко (с годами – все чаще) омрачалась приступами хандры, а литературно-политический оптимизм осложнялся скептическим складом ума. Эпикурейский подтекст биографической темы Вяземского в достаточной мере выражался и отождествлением его не только с Шапелем, но и с Шолье, репутация которого в этом отношении многократно обсуждалась³; обычно он воспринимался как поэт изящный, но неровный⁴; во всяком случае, отождествление с ним

¹ О соотнесенности данного фрагмента «Писем русского путешественника» с другими упоминаниями о Буало в этой книге см.: Песков 1989, с. 116–117.

² Эта часть пушкинского комплимента была отзвуком общеарзамасской репутации Вяземского; см.: Песков 1989, с. 66.

³ Ср., напр.: «По сем увидел я пришедшего в храм, блистательного Аббата де Шолье, который пел, вышел из за стола. Он дерзал ласкать Бога [так!] вкуса с откровенным и с приятным видом. Его живое воображение распростирало в приятном пьянстве его, изящность без поправления; [...] которая, хотя и была несколько противна благопристойности, однакож одушевлялась страстию» (Вольтер 1784, с. 148). В этом контексте слова Пушкина о Вяземском-Шолье, склонном «петь и пить», могут восприниматься как каламбур: «петь» здесь, возможно, означает не только «сочинять», но и петь в буквальном смысле, т.е. голосом. Ср. еще замечание о «морали Епиркуровой» Шолье (Петров 1803, 1, с. 92).

⁴ Ср., напр.: «В стихотворении Аббата де Шолье много есть противоречий; нет трех пьес из его сочинений, кои бы правильно до самого конца продолжались, однакож чувства и воображения, по всем местам распростирающиеся, заглаживают все сии погрешности» (Вольтер 1784, 148 [примеч. 25]).

Вяземского неявным образом отражает особенности его поэтического стиля, в которых он вполне отдавал себе отчет; ср., напр.: «Язык мой не всегда бывает непорочным, / Вкус верным, чистым слог, а выраженье точным; / И часто, как примусь шутить на счет других, / Коварно надо мной подшучивает стих» (Вяземский, 2, 122; впервые: 1816); ср.: Вяземский, 1, с. XXXIII–XLIII; см. также: Гиллельсон 1969, с. 259–260¹.

* * *

В письме Пушкина к Вяземскому, отправленном около 24 сентября 1824 г., читаем:

Ради бога докажи Вас.[илию] Льв.[овичу], что Элегия на смерть *Ан.[ны] Льв.[овны]* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает «а она его сестре 15.000 оставила!»... Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате —

Сатирик и поэт любовный
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей,
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — Музы наши сестры,
Итак ты всё же братец мой.

Variante: *Василий Львович тонкий, острый*

(Пушкин, 13, с. 231).

Ср. мнение Фридриха II: «Шолье, при всем своем небрежении в некоторых своих сочинениях без сомнения превышает Анакреонта» (Фридрих II 1792, 1, с. 85).

¹ От этих, вероятно вполне чистосердечных, признаний Вяземского следует отличать литературную «маску» ленивого / небрежного стихотворца, которая сформировалась не без прямого влияния литературной репутации Шолье, напр., у Пушкина, ср.: «Пишу своим я складом ныне / Кой-как стихи [...]»; «[...] не для имени поэта / Мараю два иль три куплета»; «Анакреон, Шолье, Парни [...] / [...] / И я — неопытный поэт — / Небрежный ваших рифм наследник, / За вами крадуся вослед...»; «Люблю под сению укромной / [...] / Небрежно стансы намарать / И жечь потом свои творенья» и т.д. (Пушкин, 1, с. 46, 151, 152, 158).

Называя Вяземского *Аристиппом*, Пушкин апеллирует к тем аспектам его кружковой репутации, которые были зафиксированы в послании Батюшкова «Мои пенаты»:

О Вяземский! цветами / Друзей твоих венчай, / Дар Вакха перед нами: / Вот кубок — наливай! / Питомец муз надежный, / О Аристиппов внук! / Ты любишь песни нежны / И рюмок звон и стук! / В час неги и прохлады / На ужинах твоих / Ты любишь томны взгляды / Прелестниц записных. / И все заботы славы, / Сует и шум, и блажь, / За быстрый миг забавы / С поклонами отдашь. / О! дай же ты мне руку, / Товарищ в лени мой, / И мы... потопим скуку / В сей чаше золотой!

(Батюшков, 1, с. 139–140).

Пушкин, вероятно, не знал, что именование *Аристипповым* внуком не польстило Вяземскому, и Батюшкову пришлось объяснять, почему он не хочет поправить это место (Батюшков, 3, с. 167–168). Впрочем, для Батюшкова, как и для Пушкина и Вяземского, тема Аристиппа не принадлежала к числу существенных и никогда не выдвигалась на первый план. Кажется, только у Державина она была развернута широко, напомним его «Аристиппову баню» (1811):

Что вы, аркадские утхи, / [...] / Пред тем, где Аристипп живет? / Что вы? — Дом полн его довольством, / Свободой, тишиной, спокойствием, / И всех блаженств он чашу пьет! // Жизнь мудрого — жизнь наслажденья / Всем тем, природа что дает. / [...] / Жить с беззаконными законно; / Чтить доблесть, не любить порок, / Со всеми и всегда ужиться, / Но только с добрыми дружить: / Вот в чем был Аристиппов толк! // Взгляните ж на него. Он в бане! / Се роскоши и вкуса храм! / [...] // Он нежится, и Аеллеса / Картины вокруг его стоят: / Сверкают битвы Геркулеса; / Сократ с улыбкою пьет яд; / Звучат пиры Анакреона; / Видна и ссылка Аполлона / [...]. // А здесь — в соседственном покое, / В очках друзей его собор / [...] // Едино счастье в том неложно, / Коль усладить дух с чувством можно, / А всё другое — суета. // Не в том беда, чтоб чем прельщаться, / Беда пороку сдать в плен. / [...] / Для жизни человек рождается, / Его стихия — веселиться; / Лишь нужно страсти побеждать. // [...] Себя лишь мудрый умеряет / И смерть, как гостью, ожидает, / Крутя, задумавшись, усы

(Державин, 5, с. 162–166; впервые: Державин 1812).

Как видим, с именем Аристиппа Державин связывает культ земных радостей («блаженств»)¹, ограниченный философским неприятием пороков и умением побеждать страсти. Далее он передает известный анекдот о трех наложницах, которых подарил Аристиппу «Дионисий, Царь Сиракузский», а тот отослал их обратно со словами «Но выдьте вон: — я Философ» (Державин, 5, 166)². Державин в «Арзамасе» ценился, но не поздний и уж конечно не как создатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова»³; не исключаем того, что говоря о Вяземском, Пушкин называет его *нашим* Аристиппом, имея в виду, помимо всего прочего, что тема Аристиппа выдвигалась и в *чужом* или враждебном «арзамасцам» литературном пространстве, сформированном, в частности, поздними текстами Державина. Вместе с тем нет оснований полагать, что державинская интерпретация личности Аристиппа воспринималась Пушкиным или Вяземским как неверная; поэтому державинский контекст оказывался не только «фоном» отталкивания, но и «фоном» притяжения⁴.

¹ Ср. в стихотворении «Философы пьяный и трезвый», где пьяным философом представлен Аристипп: «Сосед! на свете все пустое / Богатство, слава и чины; / А естли за добро прямое / Мечты быть могут почтены, / То здраво и покойно жить, / С друзьями время проводить, / Красот любить, любимым быть, / И сладко есть и пить» (Державин 1804, с. 92). Ср. те же мотивы в сочетании с разумным требованием умеренности в «Приглашении к обеду» (Державин, 1, с. 299–302).

² Все основные сведения об Аристиппе, которыми могли воспользоваться Державин, Батюшков, Пушкин, восходят к Диогену Лаэртию и широко разошлись по разного рода справочным изданиям (см., напр.: Словарь исторический, 1, с. 439–442; ср.: Диоген 1986, с. 112–118). О некоторых текстах Аристиппа и их источниках см.: Алиева 2012, с. 110.

³ Показательно, что свою некрологическую статью о Державине (1816) Вяземский закончил следующим образом: «Разборчивая и строгая критика изречет со временем свой решительный приговор достоинству Державина, и в горниле своем очистит золото от чуждой примеси» (Вяземский, 1, с. 21). Пушкин через десять лет в письме к А.А. Бестужеву высказался в том же духе, но свободнее и резче: «Кумир Державина, $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый, донныне еще не оценен» (Пушкин, 13, с. 178). О восприятии Державина в «Арзамасе» см., в т. ч.: Проскурин 1995, с. 360–363; Гаспаров 1999, с. 132, 154–155.

⁴ Напомним в этой связи о двусмысленной концовке «Воспоминаний в Царском Селе», две заключительные строфы которых построены так, что могут быть отнесены и к Державину, и к Жуковскому. С одной стороны, Жуковский неявным образом противопоставляется Державину как «свой» «чужому», с другой же «державинский» подтекст этих строф не противоречит «жуковскому», а сочетается с ним и дополняет его (см. об этом: Ивинский 2012).

В отличие от Аристиппа, Асмодей, с которым Пушкин непременно соотносит Вяземского, отождествив его уже с Аристиппом и актуализируя специфически «арзамасский» контекст, на лавры философа, конечно, не претендовал, о пользе ограничения разумом страстей, кажется, не рассуждал и пользовался репутацией распутника и даже сводника, обладая, впрочем и иными способностями, из коих выделяются его приверженность азартным играм и французским модам¹. Все перечисленное (за вычетом, разумеется, сводничества) в большей или меньшей степени соответствовало репутации Вяземского в дружеском кругу, как и его страсть к бескомпромиссной литературной борьбе, в «игровом» «арзамасском» контексте отождествлявшаяся с жестокостью, которая была еще одним атрибутом Асмодея, в целом ряде источников представавшим безжалостным демоном-убийцей.

Галломан, модник, претендовавший на скрупулезное знание «туалетного уложения» (см. в этой связи о его знакомстве с Батюшковым: Ивинский 2005, с. 256), игрок, «прокипятивший в карты около полумиллиона» (ОА, 2, с. 362), наносивший яростные удары по литературным репутациям «халдеев “Беседы”»: вот, кажется, все ближайшие подтексты «арзамасского» прозвища Вяземского. Одновременное отождествление его с Аристиппом откровенно парадоксально: если Асмодей культивирует страсти, то Аристипп их ограничивает, стремясь к разумному блаженству. «Аристипп и Асмодей» — эпитаграмматически лапидарное указание на два «полюса» личности Вяземского, вряд ли соотносимое чересчур прямолинейно с противопоставлением его «эпикурства» и «гераклитства», «зашифрованным» в более ранней пушкинской двусмысленности о Шапеле / Шолье и Буало².

¹ См., напр.: «Но что до меня касается, то я [...] устанавливаю смешные браки; выдаю молодых девушек за стариков; женю господ на служанках; а красавиц с малым приданым совокупаю с нежными полюбовниками, которые столь же голы. Я ввел в свет роскошь и великолешие, азартные игры и химию [...], танцевание, музыку, комедии и все новые Французские моды. Одним словом, я называюсь Асмодей [...]. Я дьявол роскоши, или [...] бог Купидон: ибо стихотворцы дали мне сие изрядное имя, и сии господа [...] говорят, что у меня позолоченные крылья, глаза завязаны, в руках лук, за плечами калчан [так!] наполненный стрелами, и сверх того я пленяющей красоты» (Лесаж 1791, 1, с. 5–6). Ср. упоминание о колчане в «арзамасской» речи С.С. Уварова к Вяземскому: «Твой неистощимый колчан звенит еще за твоими плечами, а ты уже стремишься к новым победам» (Арзамас, 1, с. 330).

² Впрочем, эта тема парадоксального единства умонастроений скрыта и в самом имени Аристиппа, если принять ту версию его характера, которая была

Но в эту и без того уже сложную картину необходимо внести еще один элемент: именование Вяземского Аристиппом могло и даже должно было восприниматься как указание на специфику его поэтического стиля. «Аристиппова манера» «изложения темы» предполагает «форму осуждения» (АР 1978, с. 283; см. также: Брагинская 2008, с. 151), ассоциирующуюся, в частности, с эпиграммой и сатирой, но имеющую и более широкое значение: это стиль мышления и речи, в котором преобладает привычка к выхватыванию из потока жизненных впечатлений тех, которые могут быть объединены негирующей эмоцией.

Так скептический и насмешливый склад ума Вяземского–Аристиппа связывался Пушкиным с «разумным» эпикурейством и одновременно приобретал демонические черты в «балладном» контексте «Арзамаса», а сближение Вяземского с «небрежным» Шолье дополнялось косвенными указаниями на преобладание «аристипповой» «формы осуждения» в поэтическом стиле Вяземского и на парадоксальное сочетание скептицизма с приверженностью к наслаждениям жизни.

Литература

Алиева 2012 – *Алиева О.В.* «Сократики» и ЛОГОС ПРОТРЕПТИКОС в IV в. до Р. Х. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гос. ун-та. [Серия] I: Богословие; Философия. 2012. Вып. 3. С. 105–114.

АР 1978 – Античные риторика / Собрание текстов, статьи, коммент. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство Московского университета, 1978. (Университетская библиотека). 352 с.

Арзамас – «Арзамас»: Сборник в двух книгах. М.: Художественная литература, 1994. 606+539 с.

Батюшков – *Батюшков К.Н.* Соч. Т. 1–3. СПб., 1885–1887.

Брагинская 2008 – *Брагинская Н.В.* Аристипп Киренский // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 150–151.

выдвинута Виландом, сочинения которого были хорошо известны и Пушкину и Вяземскому, ср.: «Природа дала мне [...] довольно холодную голову, но теплое сердце. Мне очень любо, когда чувствую себя совершенно расположенным благоприятствовать всем людям; а я всегда таков, когда бываю весел в обществе; ибо тогда неприметно усыпляю себя приятною мечтою почитать их всех добрыми и благожелательными [...]. И так покажется тебе совершенно понятным, милый Клеонид, что не смотря на угрюмые лица степенных моих товарищей, а иногда и самого учителя, не упускаю ни одного случая, при котором могу доставить себе такое приятное наслаждение жизни» (Виланд, 1, с. 101–102).

Вацуро 1994 – *Вацуро В.Э.* В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас»: Сб. в двух книгах. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1994. С. 5–27.

Виланд – Аристипп и некоторые из его современников: Сочинение Виланда: В 8 частях. М., 1807–1808.

Вольтер 1784 – Аллегорические, философические и критические сочинения Г. Волтера. СПб.: тип. Галченкова, 1784. 303 с.

Вяземский – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: Т. 1–12 / Издание графа С.Д. Шереметева. СПб., 1878–1896.

Вяземский 1866 – *Вяземский П.А.* Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский архив. 1866. № 3. Стб. 473–502.

Вяземский 1866а – Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. М.: тип. В. Грачева и К°, 1866. 239 с.

Вяземский 1876 – *Вяземский П.А.* Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 60–70.

Вяземский 1935 – *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения. М.; Л., 1935.

Вяземский 1958 – *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1958 (Библиотека поэта. Большая серия. Издание 2-е).

Вяземский 1986 – *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая серия. Издание 3-е).

Вяткина 2011 – *Вяткина И.А.* Традиции *commedia dell'arte* и пародийный ритуал Академии Гранеллески в домашней поэзии В. А. Жуковского и литературном быте его окружения // *Образы Италии в русской словесности.* Томск: Издательство Томского университета, 2011. С. 17–26.

Гаспаров 1999 – *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. (Современная западная русистика). 400 с.

Гиллельсон 1969 – *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 392 с.

Гиллельсон 1974 – *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. 224 с.

Державин – Державин Г.Р. Соч. Ч. 1–5. СПб.: тип. Шнора, 1808–1816.

Державин 1804 – [Державин Г.Р.] Анакреонтические песни. В Петрограде: 1804 года.

Державин 1812 – *Державин Г.Р.* Аристиппова баня // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 6. СПб., 1812. С. 65–70.

Дидро – *Дидро Д.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991.

Диоген 1986 – *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / 2-е изд. М., 1986 (Философское наследие).

Эпикур 1796 – *Эпикур* (перевод с франц.) // Муза: Ежемесячное издание на 1796 год. Ч. 4. С. 111–129.

Ивинский 2005 – *Ивинский Д.П.* О Пушкине. М.: Intrada, 2005. 272 с.

Ивинский 2012 – *Ивинский Д.П.* Пушкин и 1812 год: лицейские стихотворения // Известия РАН: Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 26–41.

Иезуитова 1989 – *Иезуитова Р.В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. 290 с.

Карамзин 1987 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984 (Литературные памятники).

Лесаж 1791 – Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на французском языке г. Лесажем, переведена Академии наук студентами Дмитрием Легким и Дмитрием Мокеевым. 3-м тиснением. СПб., 1791.

ОА – Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1–5. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899–1913.

Песков 1989 – *Песков А.М.* Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1989. 178 с.

Петров 1803 – О внешнем богослужении и наружных действиях Человека Христианина. Сочинение Московской Единоверческой церкви Священника Ивана Петрова. Т. 1–3. М., 1803.

Проскурин 1995 – *Проскурин О.А.* Имя в «Арзамасе» (Материалы к истории пародической антропониимии) // Лотмановский сборник. [Вып.] 1. М., 1995. С. 353–364.

Пушкин – Пушкин [А.С.] Полн. собр. соч.: Т. 1–17 [М.; Л.,] 1936–1959.

Пушкин 1821 – Пушкин А. Письмо к В.Л. Пушкину // Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № 11. С. 178–180.

Словарь исторический – [Шодон, Луи Мейель.] Словарь исторический, или Сокращенная библиотека. Ч. 1–14. М., 1790–1798.

Соловьев – *Соловьев Н.В.* История одной жизни: А.А. Воейкова – «Светлана». [Вып. 1–2]. Пг., 1915–1916.

Фридрих II 1792 – Оставшиеся творения Фридриха Второго Короля Прусского / 2-е изд. Т. 1–2. СПб., 1792–1793.

Юбилей 1861 – Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861.

Italian academies 1995 – Italian academies of the Sixteenth Century / Edited by D.S. Chambers and F. Quiviger. London: Warburg Institute, 1995. 215 p.

Maylender 1926–1930 – *Maylender, Michele.* Storia delle Accademie d'Italia. V. 1–5. Bologna [etc.]: Cappelli, [1926–1930].

Rolbiecki 1977 – *Rolbiecki, Waldemar.* Akademie włoskie w latach 1454–1667: Początek towarzystw naukowych jako typu instytucji. Wrocław; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 278 p.

References

Alieva 2012 – Alieva O.V. “Sokratiki” i LOGO PROTREPTIKOS v IV v. do R. Kh. [“Socratic” and the Logos Protrepticos in the 4 BC]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State Univ.]. [Serii] I: Bogoslovie; Filosofii. 2012, vyp. 3, pp. 105–114. (In Russ.)

AR 1978 – *Antichnye ritoriki* [ancient rhetoric], Sbranie tekstov, stat’i, komment. i obshch. red. A.A. Takho-Godi. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1978. (Universitetskaia biblioteka). 352 p. (In Russ.)

Arzamas – “Arzamas”: *Sbornik v dvukh knigakh* [Arzamas. Collection in 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1994. 606+539 p. (In Russ.)

Braginskaia 2008 – Braginskaia N.V. Aristipp Kirenskii [Aristippe of Kyrene]. *Antichnaia filosofii: Entsiklopedicheskii slovar’* [Ancient philosophy: Collegiate Dictionary]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2008, pp. 150–151. (In Russ.)

Gasparov 1999 – Gasparov B.M. *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka* [Poetical Language of Pushkin as a fact of the Russian Literary Language History]. Saint-Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999. (Sovremennaia zapadnaia rusistika). 400 p. (In Russ.)

Gillel’son 1969 – Gillel’son M.I. *P.A. Viazemskii: Zhizn’ i tvorchestvo* [P.A. Viazemskii: Life and Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. (In Russ.)

Gillel’son 1974 – Gillel’son M.I. *Molodoi Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Fraternity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 224 p. (In Russ.)

Iezuitova 1989 – Iezuitova R.V. *Zhukovskii i ego vremia* [Zhukovskii and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 290 p. (In Russ.)

Ivinskii 2005 – Ivinskii D.P. *O Pushkine* [On Pushkin]. Moscow, Intrada Publ., 2005. (In Russ.)

Ivinskii 2012 – Ivinskii D.P. Pushkin i 1812 god: litseiskie stikhotvoreniia [Pushkin and the 1812: Poems of the Lycee Period]. *Izvestiia RAN: Seriiia literatury i iazyka* [Izvestiya RAN: Series of Literature and Language]. 2012, t. 71, no 6, pp. 26–41. (In Russ.)

Italian academies 1995 – *Italian academies of the Sixteenth Century*, Edited by D.S. Chambers and F. Quiviger. London, Warburg Institute, 1995. 215 p.

Maylender 1926–1930 – Maylender, Michele. *Storia delle Accademie d’Italia*. V. 1–5. Bologna [etc.], [1926–1930].

Peskov 1989 – Peskov A.M. *Bualo v russkoi literature XVIII – pervoi treti XIX veka* [Boileau in Russian Literature of 18–early 19th century]. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1989. 178 p. (In Russ.)

Proskurin 1995 – Proskurin O. A. Imia v «Arzamase» (Materialy k istorii parodicheskoi antroponii) [Name in ‘Arzamas’ (Materials for the history

of parodical athroponymy]. *Lotmanovskii sbornik*, [vyp.] 1. Moscow, 1995, pp. 353–364. (In Russ.)

Rolbiecki 1977 – Rolbiecki, Waldemar. *Akademie włoskie w latach 1454–1667: Początek towarzystw naukowych jako typu instytucji*. Wrocław; Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 278 p.

Vatsuro V.E. V preddverii pushkinskoi epokhi [Immediately before the Pushkin Era]. “*Arzamas*”: *Sbornik v dvukh knigakh* [Arzamas. Collection in 2 vols]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1994, kn. 1. pp. 5–27. (In Russ.)

Viatkina 2011 – Viatkina I.A. Traditsii commedia dell’arte i parodiinyi ritual Akademii Granelleski v domashnei poezii V.A. Zhukovskogo i literaturnom byte ego okruzeniia [Commedia dell’arte tradition and a parody of the Academy of ritual poetry in the home Granelleski VA Zhukovsky and literary life of his entourage]. *Obrazy Italii v russkoi slovesnosti* [Images of Italy in the Russian literature]. Tomsk, Izdatel’stvo Tomskogo universiteta Publ., 2011, pp. 17–26. (In Russ.)

Viazemskiy and «Arzamas»: From the Notes to the A. Pushkin’s Letters

Dmitriy Ivinskiy

Abstract: In Pushkin’s literary imagination Boileau and Chapelle correlate – and at the same time are opposed: the former is identified with Heraclitus, the latter – with Epicurus. Juxtaposing Vyazemsky and both of them, Pushkin had in mind Vyazemsky’s psychological characteristics: his penchant for the pleasures of life was often overshadowed by attacks of melancholy; his literary and political optimism was complicated by a skeptical turn of mind. Epicurean subtext of Viazemsky’s biography is adequately expressed by identifying him not only with Chapelle, but with Chaulieu as well, who is usually viewed as a refined but unstable and erratic poet; therefore identifying Viazemsky with him could be regarded as an additional epigrammatic connotation.

Calling Vyazemsky “Aristippus”, Pushkin refers to certain aspects of his reputation in “Arzamas” literary society, recorded in Batiushkov’s epistle “My Penates”. Unlike Aristippus, Asmodeus neither aspires to get the laurels of a philosopher, nor talks about restraining passion with the help of intellect. Asmodeus was considered a libertine, and among his characteristics there was predilection for gambling and French fashion. All of it fit into Vyazemsky’s reputation in a circle of friends; moreover, his passion for the uncompromising literary struggle in “Arzamas” ludic context was identified with cruelty, i.e. another characteristic feature of Asmodeus, often represented as a merciless demon-assassin.

Keywords: “Arzamas” society, Vyazemsky, Pushkin, Derzhavin, literary society, literary reputation

Information about the author: Dmitriy P. Ivinskiy. PhD. Professor of Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: dmitrij_ivinskiy@mail.ru